

КОРОТКОЙ СТРОКОЙ

2018 МАРТА

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ

● **Социальное такси повезет к избирательным участкам.** В Ленинградской области в день голосования 18 марта будет организована доставка льготных категорий граждан службой социального такси до избирательных участков и обратно. Пока избиратель голосует, социальное такси будет ожидать его возле избирательного участка. При этом поездки на социальном такси 18 марта не будут входить в ежемесячную квоту на шесть поездок, положенных для категорий граждан, имеющих право на льготные или бесплатные поездки. Подать заявку на предоставление транспортных услуг социального такси в день выборов можно до 10 марта 2018 года по единому многоканальному бесплатному номеру 8(800)777-04-26. Получить консультацию о работе социального такси Ленинградской области и высказать свои предложения и замечания о работе службы можно по телефону 8(965)032-18-04 (звонки оплачиваются в соответствии с тарифами вашего оператора связи).

ПАМЯТЬ – НАША СОВЕСТЬ

Усть-Тосненская наступательная операция

2 сентября 1942 года. День пятнадцатый

Продолжаем публикацию хроник боевых действий во время проведения Усть-Тосненской наступательной операции 1942 года

Записи в журнале боевых действий 136-й стрелковой дивизии за 2 сентября сообщают: «Части дивизии к 4.45 заняли исходное положение согласно плану боя и окапываются. Противник активности не проявляет, ведя методичный артиллерийско-минометный огонь по боевым порядкам подразделений. К моменту занятия исходного положения дивизия понесла потери: убито четыре человека, ранено восемь, в момент высадки с катеров утонул 71 человек, выведено из строя одно 45-миллиметровое орудие, подорвавшееся на своей mine, затонуло шесть противотанковых ружей.

В 9.10 началось артиллерийское наступление по всему фронту... В 10.30, после залпа реактивных минометов, пехота пошла в наступление. Огневые точки противника как на переднем крае, так и в глубине нашей артиллерией подавлены не были, вследствие чего при переходе пехоты в наступление последняя начала нести большие потери от автоматного-пулеметного и особенно от минометного огня с насыпи железнодорожного полотна и из ветвистого оврага».

Вспоминает боец 136-й стрелковой дивизии И. И. Карнаев: «Накануне, после обеда, нам объявили, что после ужина идем на передовую... Стало совсем темно, когда мы пошли. Нас предупредили, чтобы мы шли тихо, чтобы в вещмешках не стучали котелки с ложками, курить было запрещено.

Прошли окраины Ленинграда. Впереди четко слышны разрывы снарядов и мин. Местность совершенно открытая — ни деревьев, ни кустика. Наш район сосредоточения — устье реки Тосны. Кончилась дорога, дальше канава. Идем гуськом. Впереди, справа и слева вспыхивают осветительные ракеты, изредка рвутся мины, теперь уже явно подходим туда, где идет война, и вот-вот станем ее непосредственными участниками. Постепенно канава превратилась в окопы высотой почти в человеческий рост. Прошли еще с полкилометра и по цепочке передали, что будем занимать эти окопы. Командир взвода сказал, что можно по очереди дремать. Командир отделе-

ния установил очередь — по часу внимательно дежурить. В окопе были сделаны небольшие уступы, сверху прикрытые ветками, где можно сидя подремать, не мешая при этом проходить другим. Кроме дежурных все сидят, дремлют, привалившись к стенке. Эта стенка траншеи являлась как бы крепостной стеной, отделявшей нас от противника, дальше небольшой отрезок нейтральной полосы, а на ее границе — немцы.

Начало светать. Все траншеи заполнены солдатами. Где-то в стороне рвутся мины. Никто ни с кем не разговаривает. О том, что будет дальше, как-то не думается. Принесли бачки с приготовленным завтраком, мешки с хлебом. Завтрак оказался исключительно калорийным. В котелки накладывали плов — рис со свежей свиной. Были сладкий чай и свежий хлеб. Словно праздничный обед! (Почти год нас не кормили досьга — давали мучную заварку без капельки жиров, а осенью — щи из одной зеленой капусты.) И мы наелись до отвала, не зная, что произойдет с нами через несколько минут. Увы, этот роскошный завтрак можно было бы назвать поминальным обедом — для большинства из нас он оказался последним, так как через несколько минут началась кровавая бойня.

После завтрака командир взвода приказал командирам отделений выделить по одному человеку, чтобы отнести бачки в тыл, а оттуда принести два ящика патронов. Надев на плечи вещевые мешки с котелками и пищевые бачки, прихватив винтовки, пять человек нашего взвода, включая меня, отправились по траншее в сторону тыла, но не успели пройти и двадцати

шагов, как услышали, что наша артиллерия и минометы начали стрелять в немцев. Огонь был слабым — можно было вести счет выстрелам. Через минуту немцы ответили мощным залповым огнем артиллерии и минометов, накрыв наши траншеи по всей длине. Здесь за несколько месяцев окопной войны все уже было пристреляно. В то солнечное утро немцы увидели, что в траншеях скопились солдаты, и открыли ураганный огонь. Мины и снаряды разрывались перед нами и за нами в траншеях. Все смешалось: бешеный рев снарядов, вой летящих мин, грохот их разрывов, летящая сверху земля и непрерывный свист осколков. Это был настоящий ад, от которого нельзя было ни укрыться, ни спастись. Люди бросались по траншее то в одну сторону, то в другую, не находя спасения. Мои товарищи побежали по траншее влево, а через мгновение там взлетели комья земли... Я кинулся по правой траншее, отбежав метров на двадцать. Здесь снаряды не рвались, но их рев и свист осколков не уменьшались. Пищевой бачка при мне уже не было.

Вдруг вижу в траншее незнакомого майора, кричу ему:

— Что мне делать? Меня послали за патронами!

Он крикнул:

— Не знаю!

Тогда я подумал: «Если начать пробираться в это время в тыл — заподозрят, что убежал с поля боя; попадешь на какого-нибудь проходимца — расстреляет на месте», — и решил, что за патронами идти пока нельзя.

Оглядевшись, увидел, что ближе к Неве разрывов меньше. Пригнувшись, пробежал метров пятьдесят в ту сторону. Здесь,

чуть левее, был небольшой участок, похожий на ров с вертикальной стенкой. Я прислонился к стенке, чтобы защитить себя сзади. Минут пять постоял, щурясь от солнца. Послышался шум приближавшегося самолета, и вдруг я увидел его уже низко летящим прямо перед собой. Рев мотора, и тут же — жуткий вой, свист пуль и грохот рвущихся вокруг снарядов. Я отбежал правее — и опять волна самолетов, в упор расстреливающая все живое. Многих завалило землей. Кто-то закричал: «Тут завалило командира!» Страшное место. Надо немедленно уйти!

Пытаюсь просмотреть открытую местность, откуда я пришел. Вижу наш танк. Он подбит, но к нему кое-кто продвигается короткими перебежками. Я решил, что за танком можно спрятаться и тоже начал продвигаться к нему. Однако, сделав несколько перебежек, заметил, как вокруг танка заплескали взрывы. Нет, туда нельзя!

Пробежал по траншее вправо. Остановился в неразрушенном окопе и снова слышу шум высоко летящих самолетов. Завыли падающие бомбы, затряслась земля, в окопе — сплошной дым. Не успел он рассеяться, как очередная волна самолетов, но теперь бомбы падают дальше. Все авианалеты начинались со стороны солнца, и самолеты можно было заметить, только когда они летели уже почти над головой.

После бомбежки около меня никого не оказалось, и я решил вернуться в траншею, где мы завтракали. В той стороне, как мне показалось, меньше разрывов. Преодолев несколько метров, я оказался в основной окопной траншее, заполненной солдатами. Огонь противника уменьшился. Послышалась команда: «Приготовиться к атаке...» Затем: «Вперед, вперед, в атаку!» Все полезли на бруствер, я тоже вскарабкался наверх. Солдаты бежали в сторону противника. Где-то дальше, правее, послышалось негромкое, но многоголосое «Ура-а-а! Ура-а-а!», но тут же по всему полю завыли и начали рваться мины, засвистели осколки, я упал в ближайшую воронку с водой.

Огонь противника вновь усилился. Снаряды создавали сумасшедшую какофонию. Свист

осколков был таким же непрерывным, как жужжание слепней в жаркий июльский день в болотистом сосняке на Урале. Казалось, опасно даже приподнять голову. В какие-то секунды, минуты без близких разрывов я осмотрел местность вокруг. Никто уже не бежал — все залегли. Огонь стал поменьше, снаряды не летели, но мины выли и разрывались постоянно. Я лежал на спине, слушал этот непрерывный вой и думал: «Если прямого попадания мины в меня не будет, то я останусь невредим. К тому же в одну воронку мина второй раз не попадет...» Такую логику я подводил под мое тогдашнее положение. Вой мин и дальних разрывов снарядов продолжался. Вдалеке послышался крик о помощи: «Помогите! Санитара!..» Приподнявшись, я увидел ползущего в сторону криков человека с большой сумкой за спиной. Это, видимо, был санитар. Я продолжал лежать все в той же воронке. Мины все еще рвались, но уже гораздо меньше. Сняв со спины вещмешок, я достал махорку и закурил. Никаких команд не поступало.

Через какое-то время я заметил, что отдельные солдаты пытаются добраться до траншей. Я тоже пополз, не спеша, от воронки к воронке. Наконец я в траншее. Там уже были солдаты. Понемногу начало темнеть. Немцы еще стреляли. С нашей стороны выстрелов не было. Я попытался найти в траншее кого-нибудь из нашего взвода. Узнал троих ребят. Они мне рассказали, что нашего симпатичного командира взвода мина разорвала прямым попаданием в первые же минуты. Есть другие убитые, многих ранило.

Наконец бой затих. Поздно вечером в траншею принесли хлеб, воду, консервы и сахар. Мы поужинали. Навалилась страшная усталость, особенно нервная. Нашли в траншее углубленный окоп, легли и, прижавшись друг к другу, заснули...»

■ Публикация подготовлена по материалам книги «Ивановский порог. Хронология подвига. (30 августа 1941 г. — 22 января 1944 г.)», автор-составитель Ю.И. Егоров, 2015 г.

